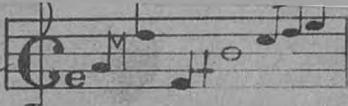

6 октября 1977

ПОМНИТЕ: «Любви не будет конца во все времена!» Тугой, неистовый, будто на крыльях рвущийся голос Александра Градского запомнился после фильма «Романс о влюбленных». Хотя еще до этого молодой певец и композитор напел на диске Давида Тухманова две интереснейшие композиции («Мил-был я» и «Джонконда»), тут же объявленные критикой образцами советской бит-музыки. Настоящая же известность пришла к Александру Градскому, как это часто бывает, после кино. О сегодняшней популярности его говорит тот факт, что он признан лучшим певцом прошлого года. И если своим первым успехом он во многом обязан «Романсу о влюбленных», то на фильмах этого го-

да «Солнце, снова солнце!» и «Моя любовь на третьем курсе» многие зрители идут специально «на Градского»...

Он подозрительно похож на «звезду». Модная грива волос, темные, в пол-лица, очки, голубые джинсы. Блестит, отражая свет софитов, никель его гитары. Непременные атрибу-

ты этого блатовня эстрадных подмостков, за которыми порой прячутся заурядность и неспособность творить, сразу ностражируют. Он идет к микрофону отточенной походкой — и с каждым шагом его растет сомнение, почти разочарование: «Ну-ка, ну-ка, посмотрим...»

Нетипичная «звезда»

Но дрогнули, вступая, струны — и вот уже в целом мире нет ничего, кроме этой полутемной сцены и удивитель-

но живого, горячего голоса. Здесь есть песня-фон, песня-кульминация, песня-итог.

Репертуар Александра сначала озадачивает: подряд звучат строки Бернса и Асеева, Пастернака и Гладкова, Окуджавы и Кончаловской. Но тут же становится ясно, что это не всеядность, а умение найти у разных авторов нечто связующее, близкое по мироощущению. Помните сказку о волшебном даре одним прикосновением превращать все вокруг

в золото? Вот таков и талант Градского, доносящий до слушателя и озорство шуточной песенки, и трепетность баллады, и неистовость исповеди. Он твердо убежден, что музыка — больше чем искусство — первооснова, заложенная в самой природе, и что на языке музыки можно рассказать обо всем. Оттого, наверное, и скитания от темы к теме, от жанра к жанру. Едва закончив рок-оперу «Стадион», рассказывает о трагедии Чили, Александр принял за работу над камерной оперой по драме Лермонтова «Маскарад». Но это не тяга к сверхноваторству. Просто Градскому больше всего нравится петь неизведанное, пробуждать в слушателе искателя истины. И больше всего он страшится быть неинтересным, похожим. Вот об этом помните, когда он идет к микрофону в сиянии софитов — так похожий на эстрадную «звезду».

Дружеский шарж С. Коренева.